

О. Ю. ИНЬКОВА, А. С. ГУРЬЕВ

## К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ПОЯСНЕНИЯ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ\*

### 1. Вводные замечания

В русской грамматике так называемые пояснительные отношения охватывают круг довольно разнородных явлений, для которых трудно найти общий семантический механизм, тем более что сам термин «пояснение» характеризует скорее функцию того или иного фрагмента в тексте, чем его семантику. РГ-80, например, различает три вида пояснения, которое, заметим, рассматривается как вид синтаксической связи в простом предложении: собственно пояснение, включение и уточнение [РГ-80: II, § 2084]. Однако если при собственно пояснении «два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету» [Там же], то в основе двух других типов пояснения лежат иные семантические отношения. Они основаны на соотношении элемента и множества: это экстенциональная спецификация для включения и интенциональная — для уточнения (подробнее об отношении спецификации см. [Инькова, Манзотти 2018]).

Действительно, легко заметить, что показатели пояснения, относимые к той или иной его разновидности, не могут быть взаимозаменяемы, хотя синтаксическая конструкция не меняется.

- (1) У меня в доме живет и теща, *то есть* мать моей жены, и дети (Н. В. Гоголь. Нос (1836))<sup>1</sup>;
- (2) У меня в доме живет и теща, *\*а именно* мать моей жены, и дети;

---

\* Исследование выполнено в рамках совместного проекта «Corpus-based contrastive study of connectors in Russian» (РФФИ № 16-24-41002, ШННФ/FNS № IZLRZ1\_164059).

<sup>1</sup> Примеры, при отсутствии особого указания, заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, [www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)).

- (3) У меня в доме живет и теща, *\*особенно* / *\*в том числе* мать моей жены, и дети.

В (1) мы имеем дело с семантической структурой *X то есть Y*, представляющей собой особый тип ряда, который состоит из элементов *X* и *Y*, имеющих тождественную денотативную область. Именно об этом тождестве и сигнализирует *то есть*. В отличие от *то есть*, показатель *а именно* хотя и сохраняет денотативную область *X*, но предполагает движение от общего (*X*) к частному (*Y*): при употреблении *а именно Y* должно быть спецификацией *X*, увеличивающей его интенционал, но сохраняющей экстенционал (ср.: *Он мне подарил книгу, а именно роман о средневековых рыцарях*), что делает его неприемлемым в (2). *Особенно*, также предполагающее переход от общего к частному, точнее от множества *X* к одному из его элементов *Y*, сужает экстенционал *X* и представляет *Y* как наиболее представительный элемент множества *X* (ср.: *Он любит русскую кухню, особенно пироги с капустой*). Это несовместимо с тождеством денотативных областей *X* и *Y*, которое предполагается употреблением *то есть*. Кроме того, употребление таких показателей, как *в том числе*, *особенно*, *включая* и др., не всегда связано с поясняющей функцией фрагмента текста, который они вводят.

Однако и отношение собственно пояснения («пояснения-тождества» в терминах Петруниной [2008: 55]), так, как его определяет РГ-80, не является семантически однородным. В качестве особого типа в его рамках выделяется отношение общего и частного, «когда общее, названное обобщающим словом, раскрывается путем перечня его конкретных видов» [РГ-80: II, § 2086]:

- (4) Гости говорили о многих приятных вещах, *как то*: о природе, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах (Гоголь [Там же]).

Легко, однако, заметить, что и здесь замена *как то* на *то есть* существенно меняет смысл высказывания:

- (5) Гости говорили о многих приятных вещах, *то есть*: о природе, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах.

При употреблении *как то* вводимый им перечень не обязательно должен быть понят как исчерпывающий, тогда как *то есть* приравнивает денотативные области именной группы «многие приятные вещи» и вводимого им перечня.

Особого внимания заслуживают семантические структуры с катафорическими элементами *так* (6), *таков*, *следующий* или с нулевой катафорой (7), в которых члены ряда разделены двоеточием:

- (6) Делается это *так*: выдерните кольцо, отпустите рычаг, мысленно отсчитайте две секунды и затем бросайте ее в цель (Ю. Хацкевич. Как выжить в «стреляющем» городе (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10);

- (7) На заседании присутствовали: В. Ф. Джунковский, Н. И. Гучков, А. Д. Самарин, попечитель округа А. М. Жданов и др. (Вести (1911.01.03) // «Утро России», 1911).

Вопрос о том, являются ли такие структуры пояснительными, пока не нашел ответа (см., в частности, [Белошапкина 1989; Кирпичникова 1956; 1970; Прияткина 1979] и др.). С нашей точки зрения, функция второго элемента ряда, следующего за двоеточием, — задать денотативную область катафорических выражений, идентифицировав их референт, а не переформулировать или пояснить уже сказанное. Именно поэтому второй элемент ряда является здесь обязательным и с грамматической точки зрения. Показателен в этом отношении тот факт, что НКРЯ не фиксирует ни одного примера, где за катафорическим *так* следует *то есть*. Катафорические структуры должны быть, следовательно, исключены из сферы пояснительных отношений: в их основе лежит отношение идентификации.

Напротив, когда референт местоимения *так* уже идентифицирован, т. е. когда мы имеем дело с анафорическим употреблением местоимения, *то есть* становится приемлемым:

- (8) Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется *так*, *то есть* ее прозвание *Маниловка*, а Заманиловки тут вовсе нет (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

В (8) название деревни Маниловка, к которому отсылает *так*, уже введено в текст. Функция *то есть* Y заключается лишь в том, чтобы напомнить слушающему название деревни. Ср. в этом отношении также (9), где при помощи *то есть* Y говорящий снимает неоднозначность в выборе антецедента для местоимения *они* («знания» или «нестандартные ученики?»), и (10), где местоименная группа *все это* анафорически отсылает к предыдущему контексту, а *то есть* Y напоминает читателю этот контекст, резюмируя его, что отнюдь не бесполезно, поскольку он занимает около четырех страниц текста.

- (9) Если учитель нестандартен и долгими трудами и размышлениями создал под себя соответствующую ему индивидуальную технику, то где ему найти таких же **нестандартных учеников** для передачи накопленных знаний? **Они**, *то есть* нестандартные ученики, на дороге не валяются (Д. Медведев. Мастера. Ученики и стили (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18);
- (10) Несмотря на **всё это**, *то есть* что Захар любил выпить, посплетничать, брал у Обломова пятаки и гривны, ломал и бил разные вещи и ленился, все-таки выходило, что он был глубоко преданный своему барину слуга (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

С учетом того факта, что пояснение характеризует не логико-семантическое отношение между фрагментами текста, а функцию высказывания, а также тот факт, что структуры, относимые русской грамматикой к классу

пояснительных, разнородны по своей семантике, нам представляется оправданным отказаться от этикетки «пояснение», выделив в отдельный класс семантические структуры, которые описывают один предмет или одну ситуацию с сохранением тождества денотативных областей соединяемых элементов. Отношение, связывающее такие фрагменты текста, мы предлагаем называть переформулированием. Что касается отношений, основанных на переходе от множества к одному из его элементов (включение) и от общего к частному (уточнение), которые русская грамматическая традиция также рассматривает в рамках пояснения, то они могут быть отнесены к группе мереологических отношений как разновидности отношения спецификации (подробнее см. [Инькова 2016; 2017; Inkova 2017]).

Однако и само отношение переформулирования, основанное на сохранении денотативного тождества, имеет, в свою очередь, семантические разновидности: *то есть* и считающиеся его синонимами выражения *другими словами*, *иначе говоря* и др. не всегда взаимозаменяемы. Ср., например, в этом отношении (11) и его трансформацию (12) с *иначе говоря* и особенно (13) и (14):

- (11) И лишь когда трижды зазвонят в церкви, *то есть* в воскресенье, мясо разрешается есть (А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции (1960));
- (12) <sup>??</sup>И лишь когда трижды зазвонят в церкви, *иначе говоря* в воскресенье, мясо разрешается есть;
- (13) — Да! *То есть* нет! *То есть* да! (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958));
- (14) Да! \**Другими словами* нет! \**Другими словами* да!

В следующих разделах мы опишем функционирование одного из показателей отношения переформулирования — *то есть*, что позволит нам определить само отношение переформулирования, его виды, а также его отличие от смежных отношений. Используемые для исследования статистические данные получены в надкорпусной базе данных коннекторов (далее — НБД), созданной на основе параллельного русско-французского подкорпуса НКРЯ (подробнее о концепции НБД см. [Инькова, Кружков 2016; Зацман и др. 2016]).

## 2. *То есть*: основные морфосинтаксические структуры употребления

Наше исследование мы начнем с описания основных морфосинтаксических структур, в которых может употребляться *то есть*. Действительно, связанные *то есть* элементы X и Y могут представлять собой структуры разной сложности: синтагмы или их части, предикации или более значительные фрагменты текста. Структурный анализ 300 случаев употребления

*то есть*, аннотированных в НБД, показывает, что можно различать как минимум четыре вида морфосинтаксических конфигураций.

### 2.1. *X и Y — синтаксические группы или их части*

В данной конфигурации, на долю которой приходится более трети всех аннотаций (35,7%, или 107 из 300 случаев), фрагменты *X* и *Y* представляют собой зависимые синтаксические группы или их части. Выполняя в предложении одинаковую синтаксическую функцию, оба компонента зависят формально от глагола или других грамматических структур более высокого ранга. Так, наряду с другими зависимыми синтаксическими группами они могут являться частью предложения или финитной клаузы, в вершине которой находится глагол [Тестелец 2001: 256]. В (15), например, компоненты *X* и *Y* являются частью предложной группы «с некоторой точки зрения»; в (16) — частью предикативной группы, в вершине которой находится нулевая форма глагола-связки *быть* в настоящем времени:

- (15) В сущности, только «Братья Карамазовы» имеют вполне полифоническое окончание, но именно поэтому с [обычной]<sub>X</sub>, *то есть* [монологической]<sub>Y</sub>, точки зрения роман остался незаконченным (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963));
- (16) — Значит, она не на замке, а [на запоре]<sub>X</sub>, [на крючке]<sub>Y</sub> *то есть*! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Подчеркнем, что в употреблении типа (16) фрагменты текста *X* и *Y* не являются сами по себе предикативными, а зависят от нулевой формы глагола *быть*. В противном случае, как на это указывает Я. Г. Тестелец, пришлось бы «допустить в русском языке существование финитных клауз, не возглавляемых глаголом» [Там же: 281].

В таком типе морфосинтаксической структуры наиболее распространены, по данным нашего корпуса, являются случаи, когда *то есть* связывает *X* и *Y*, являющиеся именными группами (17), в том числе с местоименной вершиной (18). На их долю приходится почти половина всех случаев: 53 из 107 аннотаций.

- (17) Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была [«губерния»]<sub>X</sub>, *то есть* [губернский город]<sub>Y</sub> (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (18) Ну, а [мы]<sub>X</sub> вчера еще жару поддали, [ты]<sub>Y</sub> *то есть*, этими рассказами-то... о маляре-то (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

За ними следуют конфигурации с предложными группами в разных синтаксических функциях — см. (16) выше и (19):

- (19) Вам следует подать объявление в полицию, — с самым деловым видом отвечал Порфирий, — о том-с, что, известившись [о таком-то происшествии]<sub>X</sub>, *то есть* [об этом убийстве]<sub>Y</sub>, вы просите, в

свою очередь, уведомить следователя <...> (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

На долю конфигураций с предложными группами приходится 29%, или 31 из 107 случаев.

Следующими по частотности являются конфигурации, состоящие из инфинитивных оборотов и конструкций:

- (20) Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела [оставить вас с носом]<sub>х</sub>, *то есть* [дать вам формальный отказ]<sub>у</sub>, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения <...> (Н. В. Гоголь. Нос (1836));
- (21) Иван Ильич понял, что супружеская жизнь, представляя некоторые удобства в жизни, в сущности есть очень сложное и тяжелое дело, по отношению которого, [для того чтобы исполнять свой долг]<sub>х</sub>, *то есть* [вести приличную, одобряемую обществом жизнь]<sub>у</sub>, нужно выработать определенное отношение, как и к службе (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886));
- (22) Вот поэтому я прошу вас [заняться этим делом]<sub>х</sub>, *то есть* [принять все меры к охране Иуды из Кириафа]<sub>у</sub> (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2 (1929–1940)).

На долю конфигураций с инфинитивами приходится 11,2%, или 12 из 107 случаев.

*То есть* может связывать и прилагательные (реже причастия) в составе именных групп (23) или именного сказуемого. На их долю приходится 8,4%, или 9 из 107 случаев.

- (23) Я приискал уже [настоящую]<sub>х</sub>, *то есть* [будущую]<sub>у</sub> нашу квартиру, — оборотился он к Раскольникову (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

На последнем месте располагаются конфигурации с наречиями, которые насчитывают в нашем корпусе лишь два случая; ср. (24):

- (24) <...> и [тогда]<sub>х</sub>, *то есть* [теперь только]<sub>у</sub>, я испугался и почувствовал, что на меня падает обязанность остановиться и сказать, что это такое (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Что касается позиции *то есть* в морфосинтаксических конфигурациях, осуществляющих переформулирование в пределах одной предикации, то она в абсолютном большинстве случаев начальная (25): 94,4%, 101 из 107 аннотаций. На конечную позицию (26) приходится 3,7% (4 случая), и на неначальную, когда *то есть* разбивает элемент У на две части (27), — 1,9% (2 случая).

- (25) Но в самом-то деле [эти два несчастья]<sub>х</sub>, *то есть* [зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру]<sub>у</sub>, переставали трево-

- жить Обломова и поступали уже только в ряд беспокойных воспоминаний (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (26) Больше я его на том не расспрашивал, — это Душкин-то говорит, — а вынес ему [билетик]<sub>X</sub> — [рубль]<sub>Y</sub> *то есть*, потому-де думал, что не мне, так другому заложит, всё одно — пропьет, а пусть лучше у меня вещь лежит (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (27) — Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не подлец [человек, весь вообще]<sub>X</sub>, [весь род]<sub>Y</sub> *то есть* [человеческий]<sub>Y'</sub>, то значит, что остальное всё — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!.. (Там же).

Наконец, заметим также, что в данных морфосинтаксических конфигурациях фрагмент текста *Y* (реже *X*) может состоять из нескольких элементов (28)–(29) или иметь более развернутую форму, оставаясь непредикативной структурой (30):

- (28) Если он хотел [жить по-своему]<sub>X</sub>, *то есть* [лежать молча]<sub>Y1</sub>, [дремать]<sub>Y2</sub> или [ходить по комнате]<sub>Y3</sub>, Алексеева как будто не было тут (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (29) Игнорируют или отрицают [принципиальную незавершённость]<sub>X1</sub> и [диалогическую открытость художественного мира Достоевского]<sub>X2</sub>, *то есть* [самую сущность его]<sub>Y</sub> (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963));
- (30) <...> в пределах этих отношений Иван Ильич делает всё, всё решительно, что можно, и при этом соблюдает [подобие человеческих дружелюбных отношений]<sub>X</sub>, *то есть* [учтивость]<sub>Y</sub> (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)).

В подобных конфигурациях мы имеем дело либо с «аналитическим» переформулированием, когда *то есть* *Y* развивает предыдущее высказывание в более развернутой форме (28), либо, напротив, с «синтетическим», когда *то есть* *Y* подводит итог, резюмируя текстовый фрагмент *X* (29)–(30) [Groupe de Fribourg 2012: 308–309].

## 2.2. *X* и *Y* — предикативные структуры

В данной конфигурации, которая является в нашем корпусе наиболее распространенной (46,7%, или 140 из 300 аннотаций), фрагменты текста *X* и *Y*, связанные *то есть*, представляют собой предикативные структуры разной сложности. Так, *X* и *Y* могут быть самостоятельными клаузами в рамках сложного предложения (31) или быть оформлены как самостоятельные высказывания (32); они могут быть сказуемыми, относящимися к одному подлежащему (33), или зависимыми финитными клаузами (34):

- (31) [Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегий]<sub>X</sub>; *то есть* [он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках]<sub>Y</sub> <...> (Н. В. Гоголь. Нос (1836));
- (32) [Доктора не могли определить.]<sub>X</sub> *То есть* [определяли, но различно]<sub>Y</sub> (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886));
- (33) Когда Обломов обедал дома, хозяйка [помогала]<sub>X</sub> Анисье, *то есть* [указывала, словом или пальцем, пора ли или рано вынимать жаркое, надо ли к соусу прибавить немного красного вина или сметаны, или что рыбу надо варить не так, а вот как]<sub>Y</sub> <...> (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (34) [Только лишь поставят на ноги молодца]<sub>X</sub>, *то есть* [когда нянька станет ему не нужна]<sub>Y</sub>, как в сердце матери закрадывается <...> желание приискать ему подругу — тоже поздоровее, порумянее (Там же).

Сюда же можно отнести случаи, когда *то есть* связывает частицы-коммуникативы *да* и *нет*, как в (13) выше или в (35):

- (35) [Да... да...]<sub>X</sub> *то есть* тьфу, [нет]<sub>Y</sub>! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Возможны также случаи, когда *X* и *Y* являются репликами диалога, принадлежащими разным говорящим. В таком случае *Y* либо корректирует предшествующую реплику *X* (36), либо при помощи *Y* говорящий, напротив, просит уточнить *X* (37):

- (36) Вы ей о бугорках говорили? — *То есть* не совсем о бугорках. Притом она ничего бы и не поняла (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (37) — Я Никанор, конечно, Никанор! Но какой же я к шуту председатель! — *То есть* как? — спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940)).

Здесь так же, как в случае простых морфосинтаксических конфигураций (см. § 2.1), переформулирование может быть аналитическим (38) или синтетическим (39):

- (38) [Барон вел процесс]<sub>X</sub>, *то есть* [заставлял какого-то чиновника писать бумаги]<sub>Y1</sub>, [читал их сквозь лорнетку]<sub>Y2</sub>, [подписывал]<sub>Y3</sub> и [посылал того же чиновника с ними в присутственные места, а сам связями своими в свете давал этому процессу удовлетворительный ход]<sub>Y4</sub> (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (39) [Он худошав]<sub>X1</sub>; [щек у него почти вовсе нет]<sub>X2</sub>, *то есть* [есть кость да мускул]<sub>Y</sub> (Там же).

Что касается позиции *то есть* в конфигурациях с *X* и *Y*, имеющими предикативную форму, то она, как правило, начальная (40): 95,7% (134 из 140 аннотаций).



- (40) [У Амалии Ивановны он считался, впрочем, в числе довольно почетных жильцов]<sub>X</sub>, *то есть* [не пьянствовал]<sub>Y1</sub> и [за квартиру платил исправно]<sub>Y2</sub> (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Но возможны и нена начальная позиция *то есть*, как в (41) (3,6%, или 5 случаев), и конечная позиция, как в (42) (один случай):

- (41) [...угодно ли вам знать, что это за сюжет]<sub>X</sub>, [в том виде, как]<sub>Y</sub> *то есть* [я его понимаю?]<sub>Y'</sub> (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (42) — <...> Сбежал от меня... нос...  
 — Гм! какая странная фамилия! [И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?]<sub>X</sub>  
 — [Нос]<sub>Y</sub> *то есть*... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда (Н. В. Гоголь. Нос (1836)).

### 2.3. Асимметричные структуры

Структуры, оформляемые *то есть*, могут быть не только симметричными, т. е. такими, где фрагменты текста X и Y имеют однотипную синтаксическую структуру (как в § 2.1 и 2.2), но и асимметричными. Такие конфигурации не являются распространенными, насчитывая, по нашим данным, 10,7% от всех употреблений *то есть* (32 из 300 аннотаций). Они неоднородны по своему составу, и их можно разделить, в свою очередь, на три подвида.

Первый подвид насчитывает 19 единиц и включает конфигурации, в которых элементы X и Y различны по своей морфосинтаксической структуре (различная частеречная принадлежность; синтаксическая группа vs. предикация), но выполняют в высказывании одинаковую синтаксическую функцию; ср. (43), где X является коррелятивной местоименной структурой, а Y — предложной группой с именным компонентом, оба с функцией обстоятельства места, или (44), где X — местоименный компонент предложной группы *несмотря на*, а Y — придаточное предложение с той же синтаксической функцией:

- (43) Сегодня же, через час после гетмана, бежал [туда же, куда и гетман]<sub>X</sub>, *то есть* [в германский поезд]<sub>Y</sub>, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924));
- (44) Несмотря на [всё это]<sub>X</sub>, *то есть* [что Захар любил выпить, посплетничать, брал у Обломова пятаки и гривны, ломал и бил разные вещи и ленился]<sub>Y</sub>, всё-таки выходило, что он был глубоко преданный своему барину слуга (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Второй подвид насчитывает 11 единиц и включает в себя случаи, когда фрагмент текста X является предикацией, а элемент Y выполняет по отно-

шению к ней функцию актанта (45) или сирконстанта, как бы дополняя или поясняя положение вещей, описанное в X:

- (45) Ну посидите, [ну я не буду болтать вздору]<sub>X</sub>, [о себе]<sub>Y</sub> *то есть* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Реже встречаются конфигурации, в которых X является синтаксической группой, а Y — ее частью:

- (46) <...> вот-с, изволите видеть: господин сочинитель, то бишь [студент]<sub>X</sub>, [бывший]<sub>Y</sub> *то есть*, денег не платит, векселей надавал, квартиру не очищает <...> (Там же).

В третьем подвиде, насчитывающем всего 2 аннотации, фрагмент текста Y представляет собой синтаксическую структуру вставочного характера, оформляемую на письме либо тире, либо скобками:

- (47) [А сегодня поутру, в восемь часов]<sub>X</sub>, — *то есть* [это на третий-то день, понимаешь?]<sub>Y</sub> — вижу, входит ко мне Миколай, не тверезый, да и не то чтоб очень пьяный, а понимать разговор может (Там же);  
(48) [...ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний]<sub>X</sub> (*то есть* [это будет ровно пять суток назад тому]<sub>Y</sub>), к вечеру, я хитрым обманом, как тать в нощи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню, и вот-с, глядите на меня, все! (Там же).

Что касается позиции *то есть* в асимметричных конфигурациях, то она, как и в предыдущих конфигурациях, в большинстве случаев начальная: 65,6%, 21 из 32 аннотаций. На конечную позицию приходится 18,8% (6 аннотаций) (49), на нена начальную — 15,6% (5 аннотаций) (50):

- (49) Ну, его с надлежащими онерами и представили [в такую-то часть]<sub>X</sub>, [сюда]<sub>Y</sub> *то есть* (Там же);  
(50) [Ну-с, так я вам теперь, родимый мой, всю подробную правду скажу]<sub>X</sub> [насчет того]<sub>Y</sub>. *то есть* [частного случая-то]<sub>Y</sub>: действительность и натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и ух как иногда самый прозорливейший расчет подсекают! (Там же).

#### 2.4. X, реже Y, — незаконченные фрагменты текста

В данном типе конфигурации X и Y также представляют собой текстовые фрагменты разной синтаксической природы. Но они, или как минимум X, отличаются своей смысловой или синтаксической незаконченностью, что обозначается на письме многоточием:

- (51) А па-а-азвольте спросить, [это вы насчет чего-с,]<sub>X</sub> — начал провиантский, — *то есть* [на чей... благородный счет... вы изволили сейчас...]<sub>Y</sub> А впрочем, не надо! (Там же).

Кроме того, подобные конфигурации часто содержат в Х обрывочные фрагменты, а в Y — повторяющиеся фрагменты (например, в (53) *на всякий случай, если бы на случай, на всякий случай*) и различные метадискурсивные конструкции (*я хочу сказать, лучше сказать, поймите меня, видишь* и т. д.), сигнализирующие, что говорящий находится в поиске наиболее адекватной словесной формы для своего сообщения, чтобы быть лучше понятым:

- (52) — Не будете больше этим заниматься? От радости всё помутилось в голове у Варенухи, лицо его засияло, и он, не помня, что говорит, забормотал: — [Истинным...]X *То есть [я хочу сказать, ваше ве... Сейчас же после обеда...]*Y — Варенуха прижимал руки к груди, с мольбой глядел на Азazelло (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2 (1929–1940));
- (53) На всякий случай есть у меня и ещё к вам просьбица, — прибавил он, понизив голос, — щекотливенькая она, а важная: [если...]X *то есть [на всякий случай* (чему я, впрочем, не верую и считаю вас вполне неспособным), *если бы на случай,* — ну так, *на всякий случай,*...]Y — пришла бы вам охота в эти сорок-пятьдесят часов как-нибудь дело покончить иначе, фантастическим каким образом — ручки этак на себя поднять (предположение нелепое, ну да уж вы мне его простите), то оставьте краткую, но обстоятельную записочку (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (54) Так вот, Дмитрий Прокофьевич, [я бы очень, очень хотела узнать... как вообще... он глядит теперь на предметы...]X *то есть, [поймите меня, как бы это вам сказать, то есть лучше сказать:* что он любит и что не любит?...]Y (Там же).

Подобные употребления *то есть* свидетельствуют о некоторых сложностях, возникающих перед говорящим в ходе планирования речи или при реализации своей речевой программы (эмоциональное состояние, трудности в выборе словесной формы и др.). Так, в (55) говорящий пытается выстроить свою аргументацию, в (56) говорящий (Разумихин) сначала опровергает, что он пьян, а затем соглашается с этим, но вводит новую поправку при помощи *но*, в (57) говорящий, с целью избежать недоразумения, прерывает преждевременно свое высказывание X и поправляет его с помощью высказывания Y:

- (55) [Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!]X — Да с какой же стати очень-то? — *То есть* [не то чтобы... видишь, в последнее время, вот как ты заболел, мне часто и много приходилось об тебе поминать... Ну, он слушал... и как узнал, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствам, то сказал: «Как жаль!» Я и заключил...]Y1 *то есть* [всё это вместе, не одно ведь это; вчера Заметов...]Y2 (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));

- (56) Впрочем, он ее беспокоил: «хоть и расторопный, и добрый, да в состоянии ли исполнить, что обещает? В таком ведь он виде!..» — А, понимаю, вы думаете, что я в таком виде! — перебил ее мысли Разумихин, угадав их и шагая своими огромнейшими шажидцами по тротуару, так что обе дамы едва могли за ним следовать, чего, впрочем, он не замечал. [Вздор!]X *то есть*... [я пьян, как олух, но не в том дело;]Y я пьян не от вина (Там же);
- (57) Я просто-запросто намекнул, что [«необыкновенный» человек имеет право...]X *То есть* [не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия]Y (Там же).

Отметим, что конфигурация с X и Y, представляющими собой незаконченные фрагменты текста, составляет в НБД всего 7% от всех случаев употребления *то есть* (21 из 300 аннотаций). Но наш корпус содержит в основном литературные тексты, и мы не исключаем, что в устной форме коммуникации, более спонтанной, говорящий чаще сталкивается с проблемами планирования собственной речи и этот тип конфигурации будет более частотен.

Что касается позиции *то есть*, то по нашим данным она в этом типе конфигурации исключительно начальная, что само по себе предсказуемо: в этих употреблениях *то есть* можно отнести к метадискурсивным средствам, сигнализирующим в начале речи о поисках говорящим более подходящей формы высказывания. Причем в рамках реализации одной и той же речевой программы говорящим может быть сделано несколько попыток сформулировать более удачным образом свое высказывание, о чем, в частности, свидетельствуют повторные употребления с *то есть* в (54)–(55) (см. также § 3.4 ниже).

### 3. Семантика *то есть*: прототипические употребления

В предыдущем разделе мы проанализировали морфосинтаксические структуры, в которых может употребляться *то есть*. Уже из комментариев к примерам можно заметить, что семантический вклад *то есть* в общую семантику высказывания различен: *то есть* то дополняет сказанное, то корректирует его. Действительно, словари (например, БАС, МАС) выделяют у *то есть* два основных значения.

1. *То есть* «пояснительное»: *то есть* Y «поясняет предшествующее высказывание, предшествующий член предложения» (БАС, s.v.), как, например, в (20) или (31) выше. Синонимами *то есть* в этом значении БАС (s.v.) считает *а именно* и *это значит*, а также *или*, *иными словами* (ср. также [Прияткина 2007]).

Сюда же можно отнести *то есть* в реплике диалога, при помощи которого собеседник просит объяснения сказанного:

- (58) Вам надлежит немедленно ехать. — *То есть?* — То и есть (из телесериала «Оперативный псевдоним»; пример из [Петрунина 2008: 63]).

Хотя *то есть* не является здесь коннектором, поскольку не вводит поясняющий фрагмент текста *Y*, но сохраняет свою семантику.

2. *То есть* «поправки» или «оговорки» (БАС, *s.v.*), как в (59); его синонимами считаются *говоря точнее, более правильно*:

- (59) Апатия, грусть, уныние. Но недурно мне. Впереди смерть, *то есть* жизнь, как же не радоваться? (Л. Н. Толстой. Дневники; пример из [Петрунина 2008: 61]).

Заметим, что в значении 1) *то есть* является в большой степени избыточным, особенно в аппозитивных синтаксических структурах, предполагающих тождество денотативных областей. Поэтому его можно опустить, не изменив существенным образом ни степень приемлемости высказывания, ни его смысл. Ср. (60) и (61):

- (60) Семиотика, *то есть* наука о знаках, — наука достаточно общая ⟨...⟩ (Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке (2007));  
(61) Семиотика, наука о знаках, — наука достаточно общая ⟨...⟩.

В значении 2), напротив, именно *то есть* обеспечивает приемлемость высказывания, поскольку синтаксическая и лексическая информация противоречат друг другу. Ср. неприемлемую модификацию (62) примера (59) выше:

- (62) \*Впереди смерть, жизнь, как же не радоваться!

К этим двум значениям «Словарь служебных слов русского языка» добавляет еще одно, точнее «речевую функцию»: *то есть* «интерпретирующее», когда *то есть Y* дает «трактовку» *X*, его «оценку» или представляет «особое мнение» относительно *X* [Прияткина и др. 2001: 133].

При описании семантического механизма *то есть* в следующих разделах мы останемся сначала в рамках дихотомии его значений, обозначенной БАС, предложив затем семантическую константу, общую для всех употреблений *то есть*. Мы покажем также, что употребления *то есть* не ограничиваются перечисленными значениями.

### 3.1. «То есть» пояснительное

Абсолютное большинство употреблений *то есть* в НБД приходится на *то есть* «пояснительное»: 83,3 %, или 250 аннотаций из 300. В рамках этого значения на основе смыслового соотношения фрагментов текста, соединяемых *то есть*, и опираясь на классификацию Э. Манзотти [Manzotti 1999], предложенную для *cioè*, итальянского эквивалента *то есть*, представляется возможным выделить следующие основные употребления *то есть* «пояснительного» в русском языке:

— ***то есть* определяющее**: *то есть* вводит фрагмент текста Y, который содержит определение (часто в строгом научном смысле слова) X, как в (60) выше, или его приблизительную перифразу, которую говорящий считает более понятной для слушающего (63)–(64):

- (63) Ту науку, в которой стал работать Зельдович, он назвал «Релятивистская астрофизика», *то есть* физика космических явлений, для понимания которых необходима теория относительности (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004));
- (64) Им же основана и ятрохимия, *то есть* химия применительно к медицине (А. К. Сухотин. Парадоксы науки (1978));

— ***то есть* ‘обратного’ определения**, симметричное предыдущему, совершенно нормальное в своей научной версии (65) и имеющее скорее резюмирующую или интерпретирующую функцию при приблизительной перифразе (66)<sup>2</sup>:

- (65) Дефицит железа, *то есть* анемия, приводит к снижению выработки гемоглобина [<https://wek.ru/nazvany-7-glavnyx-medicinskih-prichin-xronicheskoy-ustalosti>; дата обращения: 29.05.2017];
- (66) И здесь не пресловутая теургия нужна, не «преображение бытия», а простая память о простой жизни, обывательский подход, философия маленького человека, *то есть* демократия [[http://lib.ru/CULTURE/PARAMONOW\\_B/paramonov.txt\\_with-big-pictures.html](http://lib.ru/CULTURE/PARAMONOW_B/paramonov.txt_with-big-pictures.html); дата обращения: 30.05.2017];

— ***то есть* дополняющее**, которое вводит описание или предикацию Y, отличающуюся по интенционалу от описания или предикации X, но совпадающие с ней в данном контексте по экстенционалу; ср. (11) выше и (67):

- (67) Не дальше, как сегодня, *то есть* в субботу, опять со статьей произошло что-то (Г. О. Клепацкий. Новая статья графа Л. Н. Толстого (1907));

— ***то есть* интерпретирующее**, эксплицирующее смысл, который говорящий хочет придать X; так, в (68) *то есть* Y поясняет, как именно должно быть понято слово «сознательно»:

- (68) Он вникал в глубину этого сравнения и разбирал, что такое другие и что он сам, в какой степени возможна и справедлива эта параллель и как тяжела обида, нанесенная ему Захаром; наконец, сознательно ли оскорбил его Захар, *то есть* убежден ли он был, что

---

<sup>2</sup> Ср. относительно этих двух употреблений *то есть* упомянутые выше понятия *аналитическое* и *синтетическое* переформулирования, используемые лингвистами Фрибурской группы. Первое из них будет соответствовать *то есть* определяющему, а второе — *то есть* ‘обратного’ определения.

Илья Ильич всё равно, что «другой», или так это сорвалось у него с языка, без участия головы (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Под эту рубрику, как мы увидим ниже в § 3.3, попадает и отождествление противоположностей; ср. (13) и (59) выше;

— *то есть следствия*, которое может, по-видимому, считаться подвигом предыдущего, поскольку *то есть* интерпретирует смысл X через его последствия; ср. (69)–(70):

- (69) И здесь соблюдалась полная демократия, *то есть* картину отбирал по своему вкусу очередной дежурный (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999));
- (70) Выяснилось, что от клаустрофобии страдает до десяти процентов всего населения, то есть клаустрофобия — это самый распространенный вид фобий [<http://psihomed.com/klaustrofobiya>; дата обращения: 30.05.2017].

К перечисленным типам можно добавить, при наличии соответствующих дискурсивных показателей, смешанные типы. Они возникают в результате взаимодействия семантики *то есть* и свойств контекста с такими семантическими отношениями, которые сами по себе находятся, как правило, вне обычной зоны действия *то есть*. Сюда можно отнести:

— *то есть специфицирующее*:

- (71) Дети ее пристроились, *то есть* Ванюша кончил курс науки и поступил на службу; Машенька вышла замуж за смотрителя какого-то казенного дома, а Андрюшу выпросили на воспитание Штольц и жена и считают его членом своего семейства (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (72) От волнения зашло сердце, я понимала, что Москва, *то есть* московская тюрьма, ничего хорошего мне не сулит (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)).

В (71) фрагмент текста X содержит высказывание общего характера, касающееся всех детей, а фрагмент текста Y (всё, что следует за *то есть*) специфицирует это общее положение через конкретные случаи, касающиеся каждого ребенка. Такая семантическая структура характерна для исчерпывающей экстенциональной спецификации [Инькова, Манзотти 2018: 106–107]. В (72) фрагмент текста Y, вводимый *то есть*, уточняет X; *то есть* возможно заменить *а именно*, поскольку оба показателя содержат в своей семантике компонент «увеличение интенционала X», характерный для интенциональной спецификации. Однако *то есть* возможно в таких контекстах лишь там, где говорящий хочет объяснить X через Y, тогда как переход от общего к частному при спецификации может служить самым различным целям. Ср. в связи с этим (73), очень похожее на (72), где компоненты X и Y находятся в отношении меронимии, но в котором *то есть* неприемлемо с тем же значением:

- (73) Почему в Корее, *а именно* в магазинах одежды корейских брендов, нельзя мерить вещи перед покупкой? [<https://thequestion.ru/questions/118783/pochemu-v-koree-a-imenno-v-magazinakh-odezhdy-koreiskikh-brendov-nelzya-merit-veshi-pered-pokupkoi>; дата обращения 30.05.2017];

— *то есть выбора*, которое благодаря присутствию *между прочим* или *в том числе* объясняет X путем выбора в Y одного или нескольких элементов, принадлежащих множеству, заданному в X:

- (74) А естествознание было моментом боевым, и программа Ренессанса должна была строиться, как писал Гаргантюа своему сыну, на «восстановлении всех наук», *то есть в том числе* и наук о природе (А. К. Дживелегов. Франсуа Рабле (1935));
- (75) Отрицание его первостепенной важности было бы равносильно отречению от христианства, *то есть, между прочим, и* от веры русского народа {...} (Владимир Соловьев. Национальный вопрос в России (2017); <https://books.google.ru/>; дата обращения: 30.05.2017);

В (74) в Y *в том числе* вводит элемент  $x_k$  (*науки о природе*), принадлежащий множеству  $\{x_i\}$  (все науки), заданному в X, где говорится о естествознании. В (75) выбор переносится на уровень высказывания: Y вводит некоторое положение вещей  $p_k$ , принадлежащее на этот раз имплицитному множеству положений вещей  $\{p_i\}$ , которые можно добавить по поводу сказанного в X: в данном случае тот факт, что христианство является верой и русского народа тоже<sup>3</sup>. Заметим, что присутствие показателей выбора *в том числе* и *между прочим* необходимо для данной интерпретации высказывания, а в (74) — и для его приемлемости. При их отсутствии *то есть* выполняло бы здесь свою обычную поясняющую функцию, приравнивая денотативные области X и Y.

— *то есть экземплифицирующее*, т. е. объясняющее *per exempla*.

- (76) Об этом умалчивают умышленно, — говорил Лев Николаевич, рассказывая жизнь и идеи Гаррисона, — как умалчивают в том случае, когда гость делает за столом какое-либо неприличие, *то есть, например, икает* или что-нибудь в этом роде (В. М. Грибовский. У графа Л. Н. Толстого (1886)).

В (76) общее понятие *какое-либо неприличие* объясняется затем в Y через примеры его проявления (*икать* или *что-нибудь в этом роде*). Как и в двух рассмотренных выше случаях (*то есть* выбора и *то есть* специфицирующего), Y сужает денотативную область X, а потому *то есть* экземпли-

<sup>3</sup> Подробнее об этих двух видах выбора см. [Инькова, Манзотти, в печати].



фицирующее встречается довольно редко: в НКРЯ на 72 293 вхождения *то есть* зафиксировано всего 20 сочетаний *то есть* например.

Легко заметить, что выделенные разновидности пояснительного значения *то есть* достаточно разнородны, в частности потому, что смешиваются чисто семантические (ср. *то есть* специфицирующее) и функциональные (ср. *то есть* интерпретирующее) критерии. Но они служат нам не столько для того, чтобы создать классификацию употреблений *то есть*, сколько для того, чтобы показать, что основой семантики *то есть* является поясняющий компонент. Показательно в этом отношении *то есть* определяющее, имеющее явно дидактическую функцию, направленную на то, чтобы сделать ясным для неспециалистов смысл специального термина. Настолько же очевидна поясняющая функция *то есть* в других перечисленных употреблениях. Все они направлены на то, чтобы обеспечить наиболее полное понимание коммуникативно важной составляющей X: при помощи *то есть* Y говорящий либо повторяет ее, либо эксплицирует, уточняет, экземплифицирует и т. д. ее различными способами. Единственное употребление, которое, на первый взгляд, идет вразрез со сказанным, — это *то есть* ‘обратного’ определения, при котором переформулирование идет, наоборот, от более понятного к менее понятному. Получается, что *то есть* в этом случае сохраняет свое базовое отождествляющее значение, но теряет пояснительную составляющую. Однако с помощью *то есть* ‘обратного’ определения говорящий может преследовать две разные коммуникативные цели в зависимости от того, на какую публику ориентировано его сообщение. В первом случае говорящий обращается к слушающему-неспециалисту с целью проинформировать его о наличии специального термина Y для обозначения X. Во втором случае, напротив, сообщение ориентируется на специалистов: говорящий показывает, что он осведомлен о том, что в данной профессиональной сфере существует более специализированный термин Y, используемый для обозначения X. Таким образом, при обоих сценариях *то есть* сохраняет свою объясняющую силу, но в виде некоторого отступления от основной темы. Заметим, что такое употребление нехарактерно для *то есть*, но типично для *или*.

Правомерно, таким образом, утверждать, что *то есть* является показателем тождества (эта семантика заложена и в его внутренней структуре, благодаря анафорическому местоимению *то* и глаголу *быть*) с пояснительной функцией — поясняющего отождествления. Оно является одним из видов пояснения как коммуникативного задания, которое может осуществляться не только при помощи установления тождества денотативных областей поясняемого и поясняющего, но также благодаря причинным отношениям, генерализации или, наоборот, спецификации и др.

Еще одной важной характеристикой *то есть* как показателя поясняющего отождествления является его метаязыковой характер. Поясняющее отождествление можно считать одним из способов метаязыкового контроля процесса общения, приспособлением формы представления информа-

ции к предполагаемым потребностям слушающего. Оно устанавливается, следовательно, не на пропозициональном, а на метаязыковом уровне. Важно при этом подчеркнуть, что отношение тождества между X и Y, если можно так сказать, «навязано» *то есть*, поскольку, как мы видели, в некоторых случаях само по себе смысловое соотношение связываемых им компонентов не позволяет его установить.

### 3.2. Поясняющее тождество и перифрастическое переформулирование

Можно предположить, что при ослаблении поясняющей составляющей *то есть* будет употребляться с исключительно перифрастической функцией, приближаясь к показателям чистого переформулирования *иными / другими словами, иначе говоря* и др., которые могут легко заменить *то есть* в таких контекстах. Так, в (77) известность значения слова *близорукость* сводит практически на нет поясняющий эффект фрагмента текста, вводящего *то есть*:

- (77) Чаще всего это близорукость, *то есть* невозможность увидеть предметы четко на большом расстоянии [<http://www.vizus1.info/news/lazernaya-korrekcija-zreniya-v-stile-wavelight%C2%AE.html>; дата обращения: 02.06.2017];
- (78) Чаще всего это близорукость, *иначе говоря / другими словами* невозможность увидеть предметы четко на большом расстоянии.

Однако на основе сказанного выше возможно предположить, что *то есть* всегда сохраняет свою поясняющую составляющую и этим отличается от показателей чистого переформулирования. Об этом свидетельствует, в частности, и способность *то есть* комбинироваться с ними, не создавая тавтологии:

- (79) Интересно и отсутствие предлога «в»: не философия в России второй половины XX века, а философия России, *то есть, иначе говоря*, российская философия (Философия России второй половины XX века // «Знание — сила», 2009);
- (80) Автор заметки совершенно прав, назвавши Андрея Михайловича человеком «святой наивности», *то есть иными словами* дураком... (К. М. Станюкович. Жрецы (1897)).

В данных примерах каждый из показателей вносит свой семантический вклад в определение отношений между X и Y: *то есть* представляет Y как объяснение X, а *иначе говоря* и *другими словами* характеризуют это объяснение как перифрастическое. Перифрастическое переформулирование и объясняющее отождествление можно, следовательно, рассматривать как находящиеся в отношении «функция — способ ее реализации»: первое является одним из способов реализации второго. Не случайно *то есть* занимает в этих сочетаниях начальную позицию.

По этой же причине не все контексты, в которых возможно *то есть*, доступны для показателей переформулирования. Симптоматичным в этом отношении является *то есть* дополняющее; ср. (67) выше и его неприемлемые трансформации в (81):

- (81) Не дальше, как сегодня, *\*иными словами* / *\*иначе говоря*, в субботу.

Неприемлемость вариантов с *иными словами* и *иначе говоря* позволяет думать, что при переформулировании должен сохраняться не только экстенционал X, но и его интенционал. Именно поэтому те контексты, где интенционалы X и Y не совпадают (*то есть* интерпретирующее, следствия и в еще большей степени *то есть* специфицирующее, выбора и экзemplифицирующее), недоступны для показателей перифрастического переформулирования. Ср. (82) и (83), где миопия определена через ее следствие — ношение очков — и где *иными словами* или *иначе говоря* менее удачны:

- (82) Если у Вас близорукость (*то есть* Вы носите очки для дали) <...> [<https://books.google.ru/books?isbn=5040072600>; дата обращения: 02.06.2017];
- (83) Если у Вас близорукость (*??иными словами* / *иначе говоря*, Вы носите очки для дали) <...>.

Еще одной семантической особенностью перифрастического переформулирования является чувствительность его показателей к степени детальности перифразы. При переформулировании переход от формулировки X к формулировке Y предполагает, что последняя является более аналитической, более доступной для слушающего. Отсюда естественное для показателей перифрастического переформулирования употребление в структурах типа (84):

- (84) В мире появилась проблема, которая начинает волновать многих специалистов в области диетологии, красоты и здоровья. Эта проблема — анорексия, *иными словами*, расстройство пищевого поведения, которое приводит к истощению организма, нарушению работы внутренних органов и психики [<http://www.medcent.ru/health/anoreksiya-kak-izmenitsya.html>; дата обращения: 04.06.2017].

Менее естественным будет употребление показателей переформулирования при обратном соотношении: аналитическом X и синтетическом Y, в которых может употребляться *то есть* «обратного» определения с резюмирующей функцией.

Наконец, показатели переформулирования предпочтительны в симметричных синтаксических структурах, чего, как мы видели, не требует *то есть*; ср. (85), где X — имя существительное, а Y имеет форму временного придаточного:

- (85) Миопия больше известна в массах как близорукость, *то есть* когда человек хорошо видит то, что у него находится вблизи

[<http://лечениегепатита.рф/blizorukost-3-0-cto-jeto-znachit/>; дата обращения: 02.06.2017];

- (86) Миопия больше известна в массах как близорукость, <sup>??</sup>иначе говоря, когда человек хорошо видит то, что у него находится вблизи.

Можно, таким образом, сделать вывод о том, что перифрастическое переформулирование накладывает более строгие ограничения на соотношение семантики связываемых им компонентов: переформулирующее *Y* всегда должно сохранять интенционал переформулируемого *X*. Кроме того, функция переформулирования не вписана в значение ее показателей, в отличие от *то есть*, у которого пояснительная функция лексикализована, что расширяет число семантико-синтаксических конфигураций, в которых *то есть* может устанавливать отношение тождества.

### 3.3. «То есть» коррекции

По количеству употреблений в НБД *то есть* коррекции — второе значение, которое указывают для него словари, — насчитывает всего 8,7% от всех случаев (26 аннотаций из 300). Прежде чем объяснить, чем *то есть* коррекции отличается от других показателей коррекции, необходимо напомнить, что представляет собой отношение коррекции.

Рассмотрим следующие примеры:

- (87) — Я уже старая и тупая.

— *Неправда*. Ты еще молодая и мудрая (Маша Трауб. Плохая мать (2010));

- (88) Кроме того, говорят, невеста была собой даже не хороша, *то есть* говорят, даже дурна... и такая хворая, и... и странная... а впрочем, кажется, с некоторыми достоинствами (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

По своей природе коррекция содержит два семантических компонента. Она одновременно заместительная и оценивающая. Заместительная, потому что пропозиция или выражение *X* замещается пропозицией или выражением *Y*, и оценивающая, потому что основывается на суждении говорящего о большей адекватности второго выражения, на его большей правдивости. По этому параметру коррекция близка к опровержению, с которым она разделяет некоторые сигналы отрицания в *X*: *нет*, *вовсе нет*, *неправда*, *несколько* и др.; ср. (87) выше и (89):

- (89) — Сколько тебе лет, Фридрих? Уже больше сорока пяти? — Ну, постарел, — улыбнулся отец, всё ещё не выпуская дядю. — *Нисколько* он не постарел, такой же, как и был (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, ч. 1 (1943–1958)).

Как было показано в [Инькова-Манзотти 2001: 376–413], коррекция может быть полной и частичной. При полной коррекции говорящий, прежде

чем заместить X, который он оценивает как неадекватный, отрицает его *in toto*, обращаясь с самим собой или с собеседником без особых церемоний. При частичной коррекции говорящий принимает (или делает вид, что принимает) хотя бы частично X, прежде чем заменить его на Y, отчасти другое и отчасти более адекватное. Частичная коррекция подразделяется, в свою очередь, на скалярную и интерпретирующую. Скалярная коррекция (ее показатели: *лучше/вернее сказать, или скорее*) представляет X как содержащее значительную долю правды или значительную степень дескриптивного соответствия:

- (90) И тогда я понял — *или, скорее*, вспомнил, — что это не Софи (В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)).

При интерпретирующей коррекции (ее сигналом является, как можно догадаться, *то есть*) говорящий сообщает: да, было сказано X, будь то оговорка или более или менее приблизительная формулировка, но этим X он хотел сказать Y. При этом *то есть* в корректирующем употреблении может сочетаться с другими показателями коррекции или замещения по дескриптивному соответствию: *не ... а* в (91), *не то что ... а* (92) и *не то чтобы ... а* (93):

- (91) Недоверчив, скептик, циник... надувать любит, *то есть не* надуть а дурачить... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (92) Она говорит, что лучше будет, *то есть не то что* лучше, *а* для чего-то непременно будто бы надо, чтоб и Родя тоже нарочно пришел сегодня в восемь часов и чтоб они непременно встретились... (Там же);
- (93) Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвёл отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, *то есть не то чтобы* понравился, *а...* как бы выразиться... заинтересовал, что ли (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940)).

Прежде всего, подчеркнем, что провести четкую границу между *то есть* пояснения и *то есть* коррекции не всегда возможно. Такова ситуация в (94), где авторская вставка, с одной стороны, объясняет, как надо на самом деле интерпретировать слова Ивана Яковлевича, а с другой — более точно описывает его желание:

- (94) Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, — сказал Иван Яковлевич, — а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком. (*То есть* Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.) (Н. В. Гоголь. Нос (1836)).

Есть, конечно, случаи, когда *то есть* — явно корректирующее, по крайней мере на первый взгляд, не поясняющее. Так происходит, например, каждый раз, когда X и Y являются несовместимыми понятиями или ситуациями; ср. (13) или (59) выше. Но даже в таких контекстах, которые благоприятствуют корректирующей интерпретации, *то есть* не сигнализирует о полном замещении, осуществляемом *нет*. Если употребить *нет* вместо *то есть*, то это изменит коммуникативную стратегию говорящего, как в (95), а иногда и степень приемлемости высказывания; ср. в этом отношении (96), вариант с отрицанием (88) выше:

- (95) Она где-то... здесь... Направо... *Нет*, налево... *То есть* направо! Только осторожнее!.. (Т. Г. Габбе. Город мастеров, или Сказка о двух горбунах (1943));
- (96) Кроме того, говорят, невеста была собой даже не хороша, \**нет* говорят, даже дурна... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

*То есть* является показателем, близким по семантике к *я хочу сказать*, который в таких случаях может быть добавлен к *то есть* коррекции (97) или заменить его (что невозможно, например, при *то есть* дополняющем), чтобы подчеркнуть интерпретирующий характер коррекции:

- (97) Кто был Сонькин отец — неизвестно. *То есть я хочу сказать*, мне это неизвестно (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

И наоборот, когда коррекция не может быть понята как интерпретирующая то, что было сказано (в крайнем случае как оговорка), употребление *то есть* менее приемлемо, по меньшей мере для собеседника, чувствительного к логике общения. Ср. (98) и (99), в которых *то есть* трудно понять как оговорку:

- (98) Завтра суббота / завтра я отдыхаю... Всё... (...) Ой / *что я говорю*. Суббота! Ведь в субботу... в субботу у меня меня... ведь по субботам меня дома не бывает (Аркадий Райкин и др. Люди и манекены, к/ф (1974));
- (99) Завтра суббота / завтра я отдыхаю... Ой / ?? *то есть* по субботам меня дома не бывает.

Речь идет, безусловно, не об абсолютной неприемлемости, а, скорее, о нарушении нормы коммуникативного приличия: говорящий вправе ошибаться и исправлять себя, но не представлять *ad libitum* свои ошибки как «я хотел сказать». Коррекция при помощи *то есть* предполагает, следовательно, известную семантическую близость между X и Y, близость, которая делает ошибку или оговорку правдоподобными. Чем больше дистанция между X и Y, тем менее естественной становится интерпретирующая коррекция. Ср. (100), где по мере нарастания дистанции между возможными национальностями Хосе Дуарте растет и коммуникативный дискомфорт говорящего:

- (100) «Он самый талантливый француз за всю историю французского футбола. *То есть* бельгиец, конечно, не француз. *То есть* он вообще-то бразилец... Совсем вы меня запутали!» (Франческо Коко о Хосе Дуарте) [[https://vk.com/note2170072\\_7247994](https://vk.com/note2170072_7247994); дата обращения: 04.06.2017].

Таким образом, можно, по-видимому, считать *то есть* интерпретирующей коррекции одной из разновидностей *то есть* интерпретирующего, помещенного в особый контекст, в котором X и Y противопоставлены друг другу в большей или меньшей степени. *То есть* осуществляет в таком контексте особый вид коррекции: частичную интерпретирующую коррекцию, которая очень удобна говорящему, поскольку, в отличие от полной коррекции, не эксплицирует признание ошибки, а представляет ситуацию так, что, произнося X, говорящий «просто» хотел сказать Y.

Этим объясняется и возможность сочетания *то есть* с показателями частичной скалярной коррекции:

- (101) Нельсон усиленно выдвигал в этот момент в качестве «законного» владельца Мальты (*то есть, точнее*, в качестве английской марионетки) неаполитанского короля Фердинанда, не имевшего и тени каких-либо прав на остров, так как с 1530 г. и вплоть до завоевания Бонапартом в 1798 году Мальтой владел орден иоаннитов («мальтийские рыцари») (Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) (1948)).

Интерпретирующая функция *то есть* здесь четко видна благодаря кавычкам, в которые заключено поясняемое выражение («законный» владелец Мальты), а следующий за *то есть* показатель частичной скалярной коррекции *точнее* квалифицирует интерпретацию Y как описание, более соответствующее действительности.

#### 3.4. «То есть» хезитации

К корректирующему употреблению *то есть* примыкает *то есть* хезитации:

- (102) Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться! — Да с какой же стати очень-то? — *То есть* не то чтобы... видишь, в последнее время, вот как ты заболел, мне часто и много приходилось об тебе поминать... Ну, он слушал... и как узнал, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствам, то сказал: «Как жаль!» Я и заключил... *то есть* всё это вместе, не одно ведь это; вчера Заметов... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Такое употребление характерно прежде всего для устной спонтанной речи и вызвано колебаниями со стороны говорящего, чьи когнитивные

усилия направлены одновременно на реализацию своего высказывания посредством выбора различных языковых средств и на планирование своей дискурсивной программы (контроль за порядком изложения мыслей, выбор той или иной аргументативной стратегии, отслеживание положительной или отрицательной реакции со стороны слушающего и пр.). В отличие от *то есть* коррекции, при помощи которого говорящий объясняет, как надо интерпретировать сказанное, *то есть* хезитации является сигналом того, что говорящий ищет языковые средства, чтобы направить в нужное ему русло собственную речевую программу. Фрагменты X и Y, связываемые *то есть* хезитации, вряд ли можно квалифицировать как два описания одного и того же положения вещей; ср. в этом отношении особенно второе *то есть* в (102).

Наряду с *то есть* говорящий может, как мы видели (см. §2.4), прибегать к различным метадискурсивным средствам, которые свидетельствуют о его колебаниях в попытках изложить свои мысли. Отсюда и незаконченность фрагментов текста X и Y, повторы, в частности, повторные употребления *то есть*, наиболее характерные для устной речи:

- (103) [№ 8, жен, 61] Я бы хотела сказать. Нам нужно что-то такое придумать / что точно мой голос пойдет / 100 процентов туда / за кого я. [№ 6, муж, 29] Он пойдет. [№ 8, жен, 61] *То есть* / это какой-нибудь / я не знаю / *то есть* / не вот эти все. Может электронное что-нибудь. Может / ещё что. *То есть* / нельзя бы вот... (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003);
- (104) [Ира, жен] Я ещё возьму вышивку. Хочешь / сама порисуй / я повышиваю / мне просто нужно в подарок. Вот. Будем смотреть какой-нибудь фильм / потом я к те там присоединюсь / ну *то есть* как бы / ну знаешь / не просто смотреть / чтоб было интересно / чем заняться. А а вот / ну *то есть* такой вариант можно придумать (Планирование встречи // Из коллекции НКРЯ, 2015).

В силу особенностей нашего корпуса, который содержит в основном литературные тексты, *то есть* хезитации не является самым распространенным употреблением: на его долю приходится 4% от всех случаев употребления *то есть* (12 аннотаций из 300). Но, как мы уже заметили выше, в устной форме речи доля *то есть* хезитации, как, впрочем, и доля *то есть* коррекции, будет, скорее всего, значительно выше.

#### 4. Особое употребление *то есть*

В литературе принято считать, что отношение, выражаемое *то есть*, а также его эквивалентами в других языках, устанавливается на метаязыковом уровне, т. е. касается двух описаний одного и того же объекта или



ситуации. Однако в нашем корпусе примеров встретились такие употребления, где *то есть* Y касается не столько смыслового содержания X, а точнее, выбора адекватной формы для его представления, сколько тех или иных параметров речевого акта, совершаемого при помощи X: его коммуникативной цели (105), оценки истинности заключенного в нем утверждения (106) и др.:

- (105) Вы ведь в юристы готовитесь, Родион Романович? — Да, готовился... — Ну, так вот вам, так сказать, и примерчик на будущее, — *то есть не подумайте, чтоб я вас учить осмелился*: эвона ведь вы какие статьи о преступлениях печатаете! Нет-с, а так, в виде факта, примерчик осмелюсь представить (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (106) Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла, — отрезал он вдруг Соне, бросив Раскольникова. Соня вскрикнула. — *То есть оно, по крайней мере, так кажется*. Впрочем... Мы там не знаем, что и делать, вот что-с! (Там же).

В (105) с помощью *то есть* Свидригайлов поясняет свое коммуникативное намерение, которое может быть неправильно понято слушающим: он не собирается своими примерами «учить» Раскольникова, как тот мог бы подумать. В (106) говорящий смягчает категоричность своего утверждения, его неоспоримость: сказанное в X лишь *кажется* говорящему истинным. Можно, следовательно, предположить, что *то есть* поясняет, интерпретирует здесь коммуникативное намерение, связанное с речевым актом X, а значит, устанавливает отношение не на метаязыковом, а на коммуникативном уровне. И здесь, как представляется, фрагменты текста, связанные *то есть*, нельзя квалифицировать как два описания одного и того же положения вещей.

В нашей НБД случаи употребления *то есть* на коммуникативном уровне достаточно редки, но тем не менее на их долю приходится 4% (12 аннотаций из 300).

## 5. Заключительные замечания

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

— Термины «пояснение» и «пояснительные отношения», используемые в русской грамматике для анализа сочинительной связи в пределах простого предложения, являются либо синтаксическими (т. е. характеризуют тип синтаксической связи), либо коммуникативными (т. е. определяют коммуникативную функцию данной синтаксической структуры в организации сообщения).

— С семантической точки зрения в рамках «пояснительных отношений» как синтаксической связи, которая, однако, как мы видели, может выхо-

доть за рамки простого предложения, целесообразно выделить, с одной стороны, отношения экстенциональной (*в том числе*) и интенциональной (*а именно*) спецификации, опирающиеся на операцию соотнесения элемента и множества и являющиеся разновидностью мереологических отношений, а с другой стороны, отношения переформулирования, опирающиеся на операцию сравнения и устанавливающие тождество денотативных областей связываемых этим отношением фрагментов текста X и Y.

— Отношения переформулирования подразделяются, в свою очередь, на два вида: отношение перифрастического переформулирования (*иными словами, иначе сказать* и др.), требующее сохранения интенционала X и Y, и отношение поясняющего переформулирования (*то есть*), требующее лишь тождества экстенсионалов, причем это тождество воспринимается как таковое лишь в контексте данного высказывания и в некотором роде «навязывается» *то есть* (ср. *то есть* дополняющее или интерпретирующее). Иными словами, именно присутствие *то есть* дает сигнал слушающему установить семантическую эквивалентность X и Y. Это позволяет говорить о поясняющем переформулировании как об особом отношении, приравнивающем денотативные области связываемых им фрагментов текста с целью сделать сообщение более ясным<sup>4</sup>.

— *То есть* имеет эту пояснительную функцию во всех своих употреблениях, она встроена в его лексическое значение, а то или иное из его описанных употреблений зависит от соотношения смыслового содержания X и Y. Это касается прежде всего *то есть* коррекции, которое, как было показано, можно считать разновидностью *то есть* интерпретирующего, когда X и Y обозначают несовместимые понятия или ситуации, а также *то есть* гезитации.

— В отличие от показателей перифрастического переформулирования, всегда метаязыковых, *то есть* может устанавливать поясняющее тождество и на коммуникативном уровне. В этом случае оно интерпретирует иллюкутивную силу речевого акта X, а значит, также может считаться разновидностью *то есть* интерпретирующего.

## Л и т е р а т у р а

БАС — В. И. Ч е р н ы ш е в (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Белошапкива 1989 — В. А. Б е л о ш а п к о в а. Синтаксис // Современный русский язык / В. А. Белошапкива, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / Под ред. В. А. Белошапкивой. М., 1989. С. 532–772.

---

<sup>4</sup> См. также исследования, посвященные показателям отношения переформулирования в английском и французском языках [Hyland 2007; Gülich, Kotschi 1983], которые подтверждают наши наблюдения.

Зацман и др. 2016 — И. М. Зацман, О. Ю. Инькова, М. Г. Кружков, Н. А. Попкова. Представление кросс-языковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и её применения. 2016. № 10/1. С. 106–118.

Инькова 2016 — О. Ю. Инькова. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только... но и* // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 37–60.

Инькова 2017 — О. Ю. Инькова. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 52–82.

Инькова, Кружков 2016 — О. Ю. Инькова, М. Г. Кружков. Надкорпусные русско-французские базы данных глагольных форм и коннекторов // O. Inkova, A. Trovesi (a c. di). *Lingue slave a confronto*. Bergamo, 2016. С. 365–392.

Инькова, Манзотти 2018 — О. Ю. Инькова, Э. Манзотти. Грамматика спецификации (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 82–113.

Инькова-Манзотти 2001 — О. Ю. Инькова-Манзотти. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М., 2001.

Кирпичникова 1956 — Н. В. Кирпичникова. Бессоюзные сложные предложения, в которых 2-я часть поясняет одно из слов 1-й части // Русский язык в школе. 1956. № 6. С. 30–35.

Кирпичникова 1970 — Н. В. Кирпичникова. О синтаксическом термине *пояснение* // Исследования по современному русскому языку: Сб. ст. памяти Е. М. Галкиной-Федорук / Под ред. Т. П. Ломтева, А. А. Камыниной. М., 1970. С. 96–117.

МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.

Петрунина 2008 — С. П. Петрунина. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах. Новокузнецк, 2008.

Прияткина 1979 — А. Ф. Прияткина. Синтаксическая связь и соотношение // Русский язык в школе. 1979. № 5. С. 102–105.

Прияткина 2007 — А. Ф. Прияткина. Конструкции с пояснительными союзами // А. Ф. Прияткина. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. С. 180–188.

Прияткина и др. 2001 — А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I—II. М., 1980.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Groupe de Fribourg 2012 — Groupe de Fribourg. *Grammaire de la période*. Berne, 2012.

Gulich, Kotschi 1983 — E. Gulich, T. Kotschi. Les marqueurs de la reformulation paraphrastique // *Cahiers de linguistique française*. 5. 1983. P. 305–351.

Hyland 2007 — K. Hyland. Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse // *Applied Linguistics*. 28/2. 2007. P. 266–285.

Inkova 2017 — O. Inkova. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione / M. di Filippo, F. Esvan (a c. di) // *Studi di linguistica slava*. Napoli, Il Torcoliere. P. 105–124.

Manzotti 1999 — E. M a n z o t t i. Spiegazione, riformulazione, correzione, alternativa: sulla semantica di alcuni tipi e segnali di parafrasi // Parafrasi. Dalla ricerca linguistica alla ricerca psicopedagogica / L. Lumbelli, B. Mortara Garavelli (a c. di). Alessandria, 1999. P. 169–206.

### Резюме

В статье рассматриваются логико-семантические отношения и их показатели, которые русская грамматика квалифицирует как пояснительные. Авторы отмечают, что сам термин «пояснение» характеризует не столько отношение, сколько коммуникативную функцию фрагмента в тексте. Учитывая семантическую неоднородность показателей «пояснения», авторы предлагают выделить группу показателей, выражающих отношение спецификации (*а именно, точнее, например, включая* и др.), и группу показателей, выражающих отношение переформулирования, которое, в свою очередь, может быть поясняющим (*то есть*) и перифрастическим (*иными словами* и др.). Затем авторы описывают семантику и функционирование *то есть* и отличие выражаемого им вида переформулирования от близких по семантике логико-семантических отношений.

**Ключевые слова:** коннекторы, лингвистика текста, семантика, логико-семантические отношения, переформулирование, русский язык, *то есть*.

Получено 08.10.2017

OLGA YU. INKOVA, ALEXANDER S. GURYEYEV

### ON THE CATEGORY OF EXPLANATION IN RUSSIAN GRAMMAR

The article focuses on one type of logico-semantic relation and its markers traditionally identified in Russian grammar as “explanatory” (*pojasnitel'nye*). It is argued that the term “explanation” designates the communicative function of a given text element and, therefore, is inappropriate when applied to logico-semantic relations. Furthermore, considering the heterogeneity of ‘explanatory’ markers, it is suggested that they form two distinct groups. The first group conveys the semantic relation of specification (*a imenno, točnee, naprimer, vključaja*, etc.). The second group consists of reformulation markers, which may act either as explanation (*to est'*) or as paraphrase (*inyimi slovami*, etc.). The article then highlights the semantics and the function of the reformulation marker *to est'* and points out its distinctive properties in comparison with other markers showing similar logico-semantic relations.

**Keywords:** connectives, discourse relations, restatement, reformulation, Russian, semantics, text linguistics, *to est'*.

Received on 08.10.2017